

Светская
христианская
двуименность
в эпитафиях
Московской Руси
(вокруг трех
неопубликованных
надписей XVI–XVII вв.)*

Secular Christian
Dual Naming
in the Epitaphs
of Moscow Rus
(Around Three
Unpublished
Inscriptions of the
16th–17th centuries)

**Александр Григорьевич
Авдеев**

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Москва, Россия

Alexander G. Avdeev

St. Tikhon's Orthodox University,
Moscow, Russia

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Anna F. Litvina

HSE University,
Moscow, Russia

Ольга Николаевна Радеева

Отдел рукописей Российской
государственной библиотеки,
Москва, Россия

Olga N. Radeeva

Department of Manuscripts
of the Russian State Library,
Moscow, Russia

**Федор Борисович
Успенский**

Институт русского языка имени
В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Fjodor B. Uspenskij

Vinogradov Institute for Russian
Language of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Настоящая работа посвящена малоизученному феномену запечатления светской христианской двуименности на надгробных плитах XVI–XVII вв. В исследовании анализируются основные лингвистические параметры репрезентации нескольких имен усопшего и воссоздаются те принципы имянаречения и функционирования разных имен одного и того же человека при его жизни и после кончины, которые можно проследить, опираясь на эпитафии. Благодаря ономастическому ракурсу авторам удалось атрибутировать несколько надгробных плит, в научный оборот вводятся ряд ранее не публиковавшихся надписей.

Ключевые слова

старорусская эпиграфика, Свод Русских надписей, эпитафия, историческая ономастика, средневековая Русь, многоименность, месяцесловная традиция, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители

Abstract

The article analyses the little-explored cultural practice of dual Christian naming as reflected on 16th and 17th century gravestones. The study focuses on key linguistic aspects of representing several names of the deceased; the principles of name-giving and dual name functioning – both during a person's life and after their passing—are reconstructed with special attention to epitaphic texts. By adopting an onomastic approach, the authors are able to attribute several gravestones; a number of inscriptions, previously unstudied, are researched for the first time.

Keywords

onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus', Medieval Russian polyonymy, dual naming of lay Christians, cult of saints, Church calendar, patron saints

* В основу статьи положены материалы исследовательского проекта «Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum», разработанного при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA и ПСТГУ (<https://www.cir.rssda.su>). Научный руководитель проекта – А. Г. Авдеев, технический руководитель – Ю. М. Свойский. Кроме того, в данной научной работе использованы результаты проекта «Семиотика книжного и не книжного текста – славянский мир между Западом и Востоком», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

Цитирование: Авдеев А. Г., Литвина А. Ф., Радеева О. Н., Успенский Ф. Б. Светская христианская двуименность в эпитафиях Московской Руси (вокруг трех неопубликованных надписей XVI–XVII вв.) // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 2. С. 317–346.

Citation: Avdeev A. G., Litvina A. F., Radeeva O. N., Uspenskij F. B. (2022) Secular Christian Dual Naming in the Epitaphs of Moscow Rus (Around Three Unpublished Inscriptions of the 16th—17th centuries). *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 317–346.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.14

У множества людей средневековой Руси было по два христианских имени в миру — сегодня это утверждение уже не вызывает у исследователей такого удивления, как десятилетие назад, однако традиция светской христианской двуименности по-прежнему нуждается в описании и анализе. Здесь одинаково увлекательным оказываются и выявление общей структуры и смыслового наполнения этой причудливой практики, и элементарное пополнение коллекции — установление простого факта, что тот или иной персонаж, зачастую весьма знаменитый, носил не только то имя, под которым известен всюду, вплоть до учебников по истории, но был обладателем еще одного именованя, быть может, самого главного с его собственной точки зрения.

Эта последняя задача изучения конкретных казусов иногда требует почти детективных разысканий, и затруднения, возникающие на пути исследователя, отнюдь не случайны — они связаны с самими принципами функционирования системы светской христианской двуименности в допетровской Руси, когда в некоторых ситуациях человек появляется под одним именем, а в других — под совсем иным, и найти точки пересечения, по которым можно отождествить, к примеру, раба Божьего Козму и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, порой оказывается весьма непросто.

Помимо всего прочего, публичное имя у обладателя такой пары мирских христианских имен фиксируется в куда большем количестве документов, имя же крестильное используется в доходящих до нас источниках сравнительно скупо. Одним из важнейших ресурсов, позволяющих составить полное антропонимическое досье того или иного исторического лица, служит коммеморативный обиход — записи, так или иначе фиксирующие и регулирующие поминовение людей после кончины. Здесь мы впервые можем обнаружить крестильное имя человека, до той поры по десяткам, если не по сотням документам известного нам под именем публичным.

Существеннейшим подспорьем в подобной ситуации оказываются тексты, вырезанные на надгробных плитах: немало исторических персонажей, при жизни известных широкому кругу современников, скажем, как *Ирина* или *Александр*, явлены на них как *Домника* или *Меркурий*. Можно вспомнить, например, надгробье дочери князя Кубенского, супруги воеводы Петра Васильевича Морозова († после июня 1579 г.). Надпись на ее саркофаге гласит:

|¹кнѣя мнѣханола до кдѣѣ|²скѣ гликѣра петро|³ва жена василѣви |⁴морозова
княж Михаилова доч(ь) Кубенског(о) Гликѣра Петрова жена Васил(ь)-
евич(а) Морозова¹.

¹ См.: [Гиршберг 1960: 47 <№ 102>]; новейшую публикацию этой надписи см. в работе: [Беляев et al. 2021: 93].

Между тем, из других источников известна жена П. В. Морозова по имени *Елена*. Правомерно было бы предположить, что речь идет о двух разных женщинах, в разное время состоявших с ним в супружестве, однако благодаря вкладной книге московского Новодевичьего монастыря мы узнаем, что эту Елену Морозову предписывалось поминать на празднование мученице Гликерии (13 мая) ([Павлов-Сильванский 1985: 196 <л. 304>]; ср.: [ibid.: 199 <л. 322>]). Это обычная практика, коль скоро речь идет о людях с двумя христианскими именами, и, соответственно, такое соотношение источников позволяет уверенно говорить о том, что Елена и Гликерия — не две разные женщины, а одна и та же обладательница двух христианских антропонимов, публичного и крестильного, тем более что женские имена *Гликерия* и *Елена* из-за календарной близости празднований соответствующим святым (13 и 21 мая) в XVI–XVII вв. образовывали своеобразную пару [Литвина, Успенский 2021: 103–105]².

Два князя Долгоруких, дядя и племянник, жившие в XVII в., были широко известны как Юрий Алексеевич и Владимир Дмитриевич, соответственно. С другой стороны, у нас есть надписи на надгробных плитах, в одной из которых фигурирует «рабъ Божій бояринъ князь Софоній Алексѣевичъ Долгоруковъ» [Снегирев 1864: 54 <№ 104>; ДРВ, 19: 339–340], а на другой — «рабъ Божій бояринъ князь Аѳанасій Дмитріевичъ Долгоруковъ» ([ДРВ, 19: 341 <№ 110>]; ср. также: [Снегирев 1864: 55 <№ 110>]). Можно было бы подумать, что перед нами какие-то иные представители рода Долгоруких, родственники Юрия Алексеевича и Владимира Дмитриевича, однако, к счастью, в нашем распоряжении есть другие коммеморативные источники, позволяющие уверенно отождествить Юрия и Софония, Владимира и Афанасия и опознать в дяде и племяннике обладателей светской христианской двуименности.

На надгробном камне князя Щетинина, скончавшегося в 1606 г. и погребенного в рязанском Ольгове монастыре, он именуется *Ильей*:

² Совершенно симметричным образом устроена, например, и антропонимическая ситуация с женами Дмитрия Ивановича Годунова († 1605), знаменитого дяди царя Бориса. Долгое время считалось, что *Матрона* и *Стефанида* — имена двух его разных жен, однако сопоставление источников не оставляет сомнений в том, что перед нами одна и та же женщина, обладательница двух мирских христианских имен *Матрона* и *Стефанида*. Более того, эти имена, благодаря календарной близости празднований (11 ноября отмечается единственная в году память св. Стефаниды, 9 ноября — Матроны Цареградской, а 6 ноября — Матроны Коринфской), также образуют устойчивую пару. Кроме Матроны / Стефаниды Андреевны Годуновой, эти имена носили в миру Стефанида / Матрона Яковлевна Хвостова, урожденная Путилова, и княгиня Мезецкая († 1627), урожденная Безобразова, жена боярина Данилы Ивановича Мезецкого. См. подробнее: [Литвина, Успенский 2022: 100–143].

Лѣта 7114 <1606> мѣсяца декабрия въ 20 день преставися рабъ Божій, убиенный князь Илья Семеновичъ Щетининъ Ярославский [Макарий Миролубов 1863: 293].

Надпись же на колоколе, пожертвованном в тот же монастырь его сыном, свидетельствует о том, что усопший был обладателем двух христианских имен, причем имя *Илья* было, со всей очевидностью, получено им при крещении:

Лѣта 7157 <1649> многогрѣшный рабъ Божій Князь Михаилъ Князь Ивановъ сынъ Щетининъ, приложилъ си колоколь въ монастырь на Рязань въ домъ Пресвятыя Богородицы Успенію, да Чудотворцу Николѣ, да Преподобному Сергію, по Отцѣ своемъ Князь Ильѣ Семеновичѣ, прозвище Иванъ, и по своихъ родители, вѣсу 19 пудъ 23 фунта [Макарий Миролубов 1863: 292]³.

В только что приведенных случаях — а число их нетрудно многократно умножить — надписи с надгробий служат одним из важных элементов той картинки пазла, который необходимо собрать, чтобы обнаружить еще одно христианское имя у мужчины или женщины, князя или купца, представителя бюрократической элиты или беглого холопа. Однако особенно ценными оказываются записи, которые сами по себе являют нашему взору целостное свидетельство двуименности усопшего — они позволяют не только обнаруживать новые примеры присутствия двух христианских имен у мирянина, но и пронаблюдать, как в общерусской коммеморативной традиции сочетаются начала публичные, практические и собственно религиозные. Помимо всего прочего, надписи на надгробиях — это ресурс активно пополняемый, на сегодняшний день появились прежде отсутствовавшие возможности разыскания неизвестных текстов этого жанра и нового, уточняющего, прочтения многих ранее опубликованных эпитафий.

Наше внимание будет сосредоточено на прежде не публиковавшихся надписях, так или иначе сообщающих о многоименности усопшего. Начнем с самой наглядной из них — с текста, сохранившегося на надгробной плите из ярославского Спасо-Преображенского монастыря (CIR0568, Приложение 1, Ил. 1).

³ Здесь и далее разрядка в цитатах принадлежит авторам статьи. В передаче А. И. Пискарева надпись на колоколе выглядит несколько иначе, хотя никаких сомнений в том, что Иван Семенович Щетинин носил еще имя *Илья* и при таком прочтении не остается: «Лѣта „ЗРНЗ году многогрѣшный рабъ Божій Князь Михайла Князь Ивановъ сынъ Щетининъ приложилъ сей колоколь въ Олговъ монастырь Успенію на Резани въ домъ Пресвятыя Богородицы да Чудотворцу Николѣ да преподобному Сергію по отцѣ своемъ Князь Ильи Семеновича и по своихъ родителяхъ. А вѣсу ѳі пудовъ» [Пискарев 1856: 283 <№ 27>].

I.

Эпитафия Боркову

[Лета 71-- месяца ----- в – день] престаѡи[с]ѡ раб [Божий] Иакиѡ, а прозѡи[ще] Сеѡен Ермола[е]ѡѡич Борков во ин[оцех] Иасаф схиѡ[ни]к.

Эта надпись — своеобразный подарок исследователю: счастливым образом в ней представлены три христианских имени Боркова, два мирских (*Сеѡен* и *Иоакиѡ*) и иноческое (*Иоасаф*). Такое сочетание вызывает неизменный интерес у историка светской христианской двуименности, да и русской полиномии в целом.

Прежде всего, у нас появляется возможность лишний раз убедиться, что на Руси традиция идет по пути накопления имен, и для поминальной практики значимыми могут оказаться все антропонимы, которым человек обладал при жизни. В самом деле, монашеский постриг и приобретение нового — иноческого — имени, казалось бы, должны кардинальным образом изменить антропонимическое досье человека, сделать ненужными его прежние имена. Однако зачастую христианские антропонимы, которые он носил в миру, продолжают достаточно активно использоваться в разных ситуациях. Так, монах при жизни может праздновать именины в день своего тезки по крестильному (а не иноческому) имени и совершать сделки под светским публичным именем [Литвина, Успенский 2020: 11–14]. Надгробные плиты, как и завещания, в совокупности с различными поминальными записями в синодиках и других коммеморативных текстах демонстрируют, что эти имена остаются с человеком и после его кончины. Здесь в качестве своеобразных аналогов надписи Боркова можно привести, например, эпитафию окольникову Федору Васильевичу Головину († 1625)⁴ или человеку куда менее известному, Ивану Кириллову († 1667), погребенному в рязанском Богословском общежительном монастыре:

Лета 7133 <1625> году, апреля в 16 день, на память святых мучениц Ирины, Агапии и Хионии, престаѡиѡ раб Божий Окольничий Федор Васильевич Голоѡин, а прямое его имя Перфирий — во иноцех Пафнугий, а подле его сын Алексей, а под гробом Михаил Петровиѡ Меньшой Голоѡин (РГАЛИ, ф. 544, оп. 2, д. 5: л. 3–3об.) [Шокарев 1998: 38–39].

Лѡта 7175 <1667> престаѡиѡ рабъ Божій Алексѡй Кириловъ сынъ Иванъ, а во иноцѡхъ схиѡникъ Авраамій [С-ов 1882: 137]

⁴ Голоѡин был погребен в московском Симоновом монастыре. Само надгробие не сохранилось, однако полный его текст воспроизводится в Описании кладбища Симонова монастыря, составленном в 1847 г. См. подробнее: [Шокарев 1998: 38–39].

Не менее существенно, что присутствие трех имен в таких эпитафиях прекрасно демонстрирует, как в XVI–XVII столетиях подбирались иноческие имена, а заодно и намечает тот путь, по которому современный исследователь может «вычислить», какое из двух мирских христианских имен усопшего было получено при крещении.

Обратим внимание, что иноческое имя Боркова *Иасаф (Иоасаф)* наглядно коррелирует с другим его христианским именем, приведенном на надгробии — *Иаким (Иоаким)*. Подобная корреляция совершенно закономерна, так как в эту эпоху доминировала тенденция подбирать имена при постриге по созвучию и/или графическому соответствию (обыкновенно, по первой букве или звуку) к тому имени, что человек носил в миру. Если нарекающие руководствовались этим принципом, то в расчет бралось исключительно имя крестильное, а не публичное, причем правило это, насколько можно судить по всей совокупности данных о мирской христианской двуименности на Руси, не знало никаких исключений [Литвина, Успенский 2018]. Таким образом, мы можем уверенно говорить, что Семен / Иоаким Борков в крещении был *Иоакимом*.

Кроме того, у нас есть возможность убедиться, что проблема функционального статуса того или иного христианского имени, которым человек обладал при жизни, беспокоила отнюдь не только современных исследователей. Чаще всего, коль скоро несколько таких имен сходятся вместе, заказчик или составитель записи считает нужным каким-то образом обозначить статус антропонимов или как-то иначе — в зависимости от жанра и природы текста — задать своеобразную иерархию имен.

Собственно говоря, предельный случай формирования подобной иерархии — это простое отсутствие «ненужного» в рамках данной ситуации имени. Такой способ как раз и ведет к тому, что в документах сугубо светских или деловых, вроде купчих, меновных грамот или разрядных записей, мы находим только публичные имена обладателей светской христианской двуименности и почти никогда не встречаем здесь их крестильных имен. Эпитафии же в этом отношении демонстрируют, подобно завещаниям, важность всех имен человека — публичного, того, под которым он был известен множеству людей в обиходе, данного ему при крещении и полученного при постриге. Однако даже если руководствоваться только этим критерием простого присутствия, иерархически более значимыми оказываются, скорее, два последних — крестильное и монашеское, коль скоро человеку довелось постричься.

В самом деле, мирское христианское имя в эпитафии может опустаться, тогда как два созвучных антропонима — крестильный и иноческий — в тексте обыкновенно присутствуют, как это происходит, на-

пример, в надгробных надписях двух знатных женщин, соперничавших между собой при жизни, княгини Лыковой и княгини Пожарской. Обе они были обладательницами двух христианских в миру, обе приняли постриг, обе носили публичное имя *Мария*, зафиксированное во множестве светских документов, и у обеих его нет на надгробной плите⁵. Налицо здесь лишь крестильное *Евфимия* и иноческое *Евфросиния* у Лыковой и, соответственно, крестильное *Евфросиния* и схимническое *Евникия* у Пожарской. Случаи, когда публичное мирское имя на надгробье сохраняется рядом с монашеским, а крестильное отсутствует, несколько более раритетны⁶.

Вообще говоря, простое употребление/неупотребление того или иного элемента антропонимического досье в конкретном типе записей позволяет говорить о более или менее мощных тенденциях, но не о жестких, однозначных правилах. Кроме того, отнюдь не все обладатели двух мирских христианских имен принимали постриг, и, соответственно, далеко не всегда у человека XVI–XVII столетий была возможность накопить к моменту кончины в своем антропонимическом досье три христианских имени, а у современного исследователя — «вычислить» крестильное имя по монашескому.

Однако для выстраивания иерархии имен, принадлежащих одному и тому же человеку, есть и другие средства, о чем недвусмысленно свидетельствует интересующая нас эпитафия Семену/Иоакиму Боркову. Как мы можем убедиться, имени *Семен* предпослана здесь характеристика «прозвище» («...прозви[ще] Семен Ермола[е]вич Борков»), весьма распространенная в коммеморативных текстах самого разного типа и в

⁵ Ср. надгробную надпись Лыковой из Пафнутьева Боровского монастыря («Лѣта 7112 <1604> году, Юня въ 9 день, на память Святаго Пророка Іосіа престаѡи раба Божія Княгиня Е в ф и м і я Князя Михаила Георгіевича Лыкова, а во иноцѣхъ Княгиня Е ф р о с и н і я Схимница» [ДРВ, 19: 354; Леонид Кавелин 1907: 177 <№ 20>]) и надгробную надпись княгини Пожарской из суздальского Спасо-Евфимиева монастыря: «Лета 7148 <1640> апреля в 7 день престаѡи раба Божия княгиня Е у ф р о с и н і я Федоровна княз Михайлова жена Федоровича Пожарскава во иноцех скимница Е в ъ н и к і я» (первая публикация: [Курганова 1994: 399–400]; см. существенные поправки к чтению надписи в: [Беляев 2009: 162; Idem 2013: 242 <прилож. 6>]).

⁶ Так, боярин и воевода Тимофей Трубецкой († 1602) показан на надгробной плите из Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря как «кнзъ Тимофей Романович Трубецкой а во иноцех Феодорит» ([Николаева 1958: 105 <№ 17>]; ср.: [ДРВ, 16: 319]). Между тем, доподлинно известно, что в крещении он был *Фотием*, и это обстоятельство обусловило выбор его иноческого имени *Феодорит*. Публичным (*Борис*) и иноческим (*Кирилл*) ограничивается и набор антропонимов на надгробной плите дьяка и печатника Бориса / Каллиника Сукина († 1578), о котором речь еще пойдет ниже: «лѣта 7086 <1578> мса июля в 14 дн на памят стго апстла Акилы стго о(тца) Іосифа престаѡи раб божі иногъ скимникъ Кирило а в мире был Борисъ Иванович Сукинъ» [Николаева 1960: 182 <табл. 876>].

эпитафиях как таковых. Она неизменно соотносится с публичным, а не с крестильным именем, и позволяет надежно противопоставить одно — другому, подчеркивая значимость антропонима, полученного в крещении⁷. Собственно говоря, такого рода пометы — едва ли не самый популярный инструмент для обозначения разного статуса нескольких имен одного и того же лица, коль скоро жанр текста делает желательным их совместное присутствие.

С той же целью в эпитафиях крестильное имя может снабжаться характеристиками «молитвенное» или «прямое», как это происходит в уже приведенной нами надписи на надгробии Федора / Порфирия Голвина, князя Василия Сицкого и множества других лиц:

Лѣта 7077 <1568> сентября 30 дня на память священномученика Григоріа преставися рабъ Божій князь Василій Васильевичъ, молитвенное имя Кононь, Сицкой⁸.

Вообще говоря, репертуар таких характеристик в текстах разных типов сравнительно широк⁹, самыми безошибочными из них являются, пожалуй, непосредственное указание «крестное» и его производные при

⁷ Значение слова «прозвище» в XIV–XVII вв. заметно отличается от современного. В сущности, так может быть охарактеризовано любое личное имя человека — христианское и нехристианское — кроме тех, что получены в крещении или в иночестве. Ср., с одной стороны, упоминания «Григорья, а прозвище Вихтора» [АСЗ, 4 (2008): 50 <№ 66>], Козмы прозвище Дмитрия Пожарского [Вахрамеев, 1896: 21], Иакинфа прозвище Андрея (СІR4004, Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь, 1655 г.) и, с другой стороны, Симеона прозвище Богдана (СІR0772, Лужецкий Ферапонтов монастырь, 1653 г.), Павла прозвище Деревня (СІR0219, Псково-Печерский монастырь, 1575 г.), Симеона прозвище Северга (СІR0252, Псково-Печерский монастырь, 1627 г.), Симеона прозвище Булуш (СІR0022, Москва, церковь Сергия Радонежского в Крапивниках, 1641 г.) и Михаила прозвище Богдана (СІR0374, Псково-Печерский монастырь, 1664 г.).

⁸ Князь Василий / Конон Сицкий был погребен в московском Новоспасском монастыре, надгробная плита не сохранилась, но была опубликована в XIX в. ([Ювеналий Воейков 1802: 29 <№ 13>]; ср.: [Авдеев, Станюкович 2005: 128–129]).

⁹ Для обозначения публичного некрестильного имени в источниках могут использоваться пометы «прозвище», «прозвание», «пореклу», «рекомый», «зовомый». Маркер «нарицаемый» в различных вкладных и поминальных записях также обычно применяется к тому из имен, которое не является крестильным, с другой стороны, сам по себе глагол «нарицати» относительно нейтрален и может сообщать как о получении крестильного, так и некрестильного имени.

Крестильное же имя может снабжаться пометами «прямое», «молитвенное», «подлинное», «крестное (крещеное)», «в крещении...», «по крещенью...». Чаще всего, если в источнике присутствуют два христианских антропонима одного и того же лица и один из них снабжен специальной характеристикой «имя» без каких-либо уточнений, то он-то с очень большой вероятностью и был дан в крещении. Конструкция же «именуемый» может, по-видимому, применяться и к некрестильному имени, во всяком случае, ее нельзя рассматривать как надежный маркер имени крестильного.

имени крестильном и «прозвище, прозвание» при имени публичном, некрестильном. Другие лексические маркеры не всегда столь однозначны, хотя в целом, скорее, надежны.

Нет ли каких-либо еще примет и правил, противопоставляющих крестильное и публичное имя в надгробной надписи XVI–XVII вв.?

Здесь довольно трудно говорить о чем-либо с уверенностью. Совершенно очевидно, что эпитафии этой эпохи выстроены по определенным формулярам, однако эти формуляры вариативны сами по себе, а место, отводимое в них как крестильному, так и публичному имени, оказывается достаточно подвижным. Можно, к примеру, сгруппировать эпитафии в зависимости от того, противопоставлено ли в них крестильное имя позиционно всем прочим именованию человека¹⁰ или (что встречается заметно реже) встроено внутрь антропонимического комплекса¹¹. Однако подобная систематизация, как кажется, пойдет на пользу скорее дипломатике, нежели исторической ономастике.

Остается, пожалуй, еще один — довольно любопытный — аспект антропонимической информации, которую удастся извлечь из, в сущности, лаконичной надгробной надписи Семена / Иоакима Боркова. Речь идет о способах подбора двух светских христианских антропонимов в интересующую нас эпоху. Хотя об обстоятельствах имянаречения Боркова никаких сведений нет, трудно не обратить внимание на возможную календарную связность его имен — память богоотцов Иоакима и Анны празднуется 9 сентября, тогда как 1 сентября отмечается память св. Симеона Столпника.

Симеон Столпник — не единственный, но один из самых почитаемых святых с таким именем, так что можно предположить, что нашего Боркова нарекли в соответствии с очень мощной традицией, когда крестильное имя выпадало человеку по дню появления на свет, а публичное подбиралось, исходя из предпочтений семьи, в ближних календарных окрестностях. Об отражении подобной практики нам еще предстоит подробнее сказать ниже, здесь же отметим только высокую

¹⁰ Именно так обстоит дело в эпитафии Боркову, где помета «прозвище» («...Иахим, а прозви[ще] Семен Ермола[е]вич Борков») как будто предвывает все то в его именовании, что не является именем крестильным — публичное имя, отчество, родовое прозвание. Аналогичным образом устроен и целый ряд других эпитафий, например, Ивану / Никифору Зыбину, погребенному в Одоевском Анастасовом Богородице-Рождественском монастыре: «Лета 7144 <1636> месяца августа в 28 день на память преподобнаго отца нашего Моисея Мурина преставися раб Божий Никифор прозвище Иван Михайлович Зыбин» [Троицкий 2002: 273 <№ 1>], или Ивану / Евсевию Салтыкову, похороненному в Троице-Сергиевом монастыре: «Евсеев, прозвище Иван, Львович Салтыков, преставися 7100 <1592> году февраля в 20 день» [Леонид Кавелин 1879: 82].

¹¹ Ср., например, надпись на надгробной плите князя Василия / Конона Сицкого, которую мы привели выше (с. 325).

вероятность такого соответствия в именах уже знакомого нам Федора/Порфирия Головина. Хотя свв. Порфириев в месяцеслове довольно много, достоверно известно, что крещен Головин был во имя Порфирия, мученика Палестинского [Алексеев 2006: 85], чья память отмечалась 16 февраля. На следующий день после празднования мученику Порфирию Палестинскому приходится память Федора Тирона, одного из самых популярных на Руси святых с этим именем. В качестве публичного его патронат и его имя как нельзя лучше подходили отпрыску Головиных, родившегося, по всей вероятности, в канун этой Федоровской даты, на память двенадцати палестинских мучеников, в числе которых был св. Порфирий.

II.

Эпитафия Беклемишеву

Еще одна — прежде никогда не публиковавшаяся — надпись на надгробной плите содержит только светские христианские имена усопшего, но при этом является, пожалуй, почти столь же информативной в перспективе изучения русской полиномии. Речь идет об эпитафии Беклемишеву, происходящей из Мещовского Георгиевского монастыря (С1R0593, Приложение 2, Ил. 2):

Лета 7208г(о) <1699> декабря в 5 д(е)н(ь) на памят(ь) преп(о)-
д(о)бног[о] и б(о)гоносного отца н(а)шего Савы Осв(я)щенного
преставис(ь) раб Б(о)жий стол(ь)ник Калинин, завомый Борис
Иванович Беклемишев

Итак, надпись на плите стольника Беклемишева свидетельствует о том, что он был обладателем двух мирских христианских имен, *Борис* и *Каллиник*, причем в эпитафии они отделены друг от друга интерпунктационными знаками в виде точек. Какое же из них было для него крестильным?

Вообще говоря, характеристика «зовомый» — это своеобразный аналог пометы «прозвище», обыкновенно применяемой, как мы убедились выше, в отношении публичного, некрестильного имени. Соответственно, всего вероятнее, что Беклемишев в крещении стал *Каллиником*, а *Борис* — это не что иное, как его публичное имя. Такое предположение выглядит тем более достоверным благодаря тому, что в сугубо светских официальных документах этот воевода и стольник стабильно фигурирует под именем *Борис*.

Кроме того, говоря о календарных закономерностях при выборе двух светских христианских имен, нельзя не отметить, что *Каллиник* и

Борис или *Каллиник* и *Глеб* образуют своего рода устойчивую пару. Так, имена *Каллиник* и *Борис* носил знаменитый дьяк и печатник Борис Иванович Сукин († 1578), причем в данном случае мы можем быть уверены, что имя *Каллиник* он получил в крещении — именно к нему было подобрано монашеское имя Сукина, *Кирилл*, а помянуть его предписывалось 29 июля, на память Каллиника, мученика Гангрского. Имя *Каллиник* несомненно получил в крещении и известный с середины XVI в. князь Оболенский, носивший публичное имя *Глеб*. Если учесть, что память первых русских святых, Бориса и Глеба, отмечается 24 июля, кажется вполне естественным, что многие люди, родившиеся 29 июля и ставшие в крещении *Каллиниками*, получали публичные имена *Борис* или *Глеб*.

Все это свидетельствует в пользу того, что в данном случае эпитет «зовомый» работает стандартно и маркирует публичное, некрестильное имя усопшего. Однако кажется нелишним отметить, что во второй половине XVII в. в текстах разных жанров, в том числе и в эпитафиях, у пометы «зовомый» можно наблюдать своеобразное смещение функций, когда с его помощью вводится как раз крестильное имя. Правда, это касается довольно ограниченного круга лиц, приближенных к царскому дому, прежде всего, Морозовых и Хитрово (подробнее об этом см.: [Литвина, Успенский 2022а: 80–82]). Так, окольный и воевода Иван Севастьянович Хитрово в крещении несомненно был *Анфимом*, однако в тексте надгробной надписи из Свято-Троицкого Перемышльского Лютикова монастыря имени *Анфим*, вопреки обычной практике, предпослана помета «зовомый»:

Лѣта 7205 <1697> Генваря въ 28 день на память преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина преставися рабъ Божій окольный Иванъ большой Савостіановичъ Хитрово, зовомый Анфимъ, во иноцѣхъ монахъ Антоній, а отъ рожденія поживе 73 г. [Хитрово 1867: 234–235].

В подавляющем большинстве аналогичных надписей, повторимся, с помощью этого маркера по-прежнему обозначается публичное, некрестильное имя¹². Иными словами, у нас нет повода усомниться, что крестильным именем нашего Беклемишева было *Каллиник*, а

¹² Ср.: «Лета 7163 <1655> в день на светлое воскресение Христово день памяти Апостол Аристарха, Петра и Трофима преставися раб Божий зовомый Андреем молитвенное имя Варфоломей Михайлович Зыбин» [Троицкий 2002: 273 <№ 4>]; «|мѣглъ ѿ (крест)рѣчѣ Арѣ|ла в . 3 . ѿ . преглѣвѣ рѣ вѣн . |Хригонтъ зовомый гри|горѣ бришникъ . лета 7194г(о)<1686>апреля в 4 де(нь) преставис(ь) раб Б(о)жий Харитон, зовомый Григорей Орешник» [Беркович, Егоров 2017: 276 <ВСК-45, илл. 463, 464, 465>]; «Лета 7215 <1707> года июня в 24 день на память преподобнаго отца нашего иже на Дивной горе в четвертом часу дни преставися раб божий князь Кир зовомый князь Василий Матвеевич Оболенский» [Панова 2003: 52 <№ 252>]; «1680 года Декабря 7 дня, преставися рабъ Божій думный дворянинъ Іоакимъ ,

публичным — *Борис*, но в целом при обращении с лексемой «зовомый», коль скоро она появляется в текстах второй половины XVII — начала XVIII в., требуется особая осторожность.

В эпитафии Беклемишева (в отличие от эпитафии Боркова) указана точная дата его кончины, которая сама по себе является важнейшей составляющей формуляра надгробных надписей. Более того, она представлена здесь в традиционной расширенной форме, когда число и месяц кончины сопровождаются указанием имен святых, чья память празднуется в этот день («...декабря в 5 д(е)н(ь) на памят(ь) преп(о)д(о)бног(о) и б(о)гоносного отца н(а)шего Савы Осв(я)щенного»). Эта формула важна в первую очередь потому, что один из дней поминовения того, кто лежит под плитой, благодаря ей навсегда соотносён с именем св. Саввы. Коммеморативная практика как бы заключает жизнь человека в своеобразную антропонимическую рамку¹³ — после кончины службы по нему будут совершаться в его именины, на память его тезки по крестильному имени Каллиника (Гангрского?), и в празднование св. Савве, когда Беклемишева не стало. Помимо всего прочего, подобный способ датировки демонстрирует родство эпитафии с другими источниками коммеморативного типа, прежде всего, с записями в синодиках, во вкладных и кормовых книгах¹⁴.

зовомый Василий Яковлевич Дашковъ, и погребенъ противъ сей таблицы» [Мартынов 1895 (№ 2): 283; МН, 1: 361].

¹³ Это чрезвычайно распространенный способ указания дня кончины в эпитафиях. Помимо уже приведенных нами по другому поводу примеров такого рода, обратим внимание на еще две надгробные надписи, Татьяны / Наталии Милославской («Лѣта 71... ноября въ 1 день, на память святыхъ чудотворцевъ Космы и Доміана преставися раба Божія Михайлова жена Васильевича Милославскаго Татіана Андреевна, а молитвенное имя Наталіи» [Березин, Добронравов, 3 (1896): 448; РПН: 555]) и Ивана / Флора Есипова, погребенного в московской церкви Зачатия Иоанна Предтечи на Левином Торжке («¹ [---] в фѣмла в кѣ² • на памѣи сѣнно² [мученика по]ликѣпа ѳѣи рѣ ежѣ флѣ зобѣ ѳѣи ѳикнѣ сѣ енпо³ [и] погрѣѣ в сѣ мѣстоѣ [71-] 2 февраля в 23 д(е)[ь] на памят(ь) с(вя)щенно[мученика По]ликarpa убит раб Б(о)жий Флор, зовом(ый) Иван Акимов сын Есипо[в и] погребен в сем месте [---]» [Беркович, Егоров 2017: 128 <ИП-3, илл. 219>]); сверка с фотографией надписи дает иные, нежели предложенные издателями, чтения.

¹⁴ Из всего обширнейшего корпуса подобных текстов приведем лишь два — поминальную запись из синодика князей Шелешпальских и фрагмент из вкладной и кормовой книги московского Симонова монастыря: «Лета 7145-го <1636> году месяца октября в 10 день на память святых мученик Евлампия и Евлампии, престався раб Божий и князь Михаил Иванович Шелешпальской. А молитвенное имя князь Ларион. А память по князе Михаиле Ивановиче того ж месяца октоврия в 21 день на память преподобнаго отца нашего Илариона Великаго» [Васильев, Грязнов 1998: 127 <л. 76>] или «...А на его царевичево Иваново рождение марта в 30 день, на память преподобнаго отца нашего Иоанна, писателя Лествицы, да его преставление ноября в 19 день, на память святого пророка Авдея и святого мученика Варлаама, понахиды и обедни архимарит служит собором...» [Алексеев 2006: 23].

III.

Эпитафия Годунову

Еще одна неопубликованная надпись на надгробной плите из костромского Ипатьевского монастыря (СІR0102, Приложение 3, Ил. 3) сохранилась лишь фрагментарно, и дошедшая до нас ее часть несет на себе всего одно личное христианское имя усопшего:

[--- Году]

но^[в] . а прозвѣще мнхѣн

ло

[... Году]но[в], а прозвеще Михайло

Тем не менее у нас есть все основания утверждать, что в своем первоначальном виде она являла собой еще одно свидетельство мирской христианской двуименности. Более того, мы обладаем возможностями для установления этого другого христианского имени, которое, как мы полагаем, здесь в свое время наличествовало.

Каковы же эти основания и что за имя было на надгробной плите, пока она была цела?

Как мы помним, помета «прозвище» достаточно однозначно и последовательно указывает на публичное, некрестильное имя двуименного человека (каковым для усопшего, со всей очевидностью, было *Михаил*). Функция этой пометы — отделение такого антропонима от того, что был дан в крещении, соответственно, в коммеморативном тексте она возникает тогда и только тогда, когда рядом присутствует другое имя — имя крестильное.

Знаем ли мы кого-то из Годуновых, кто не просто носил бы два имени в миру¹⁵, но и обладал бы при этом публичным именем *Михаил*?

Как известно, костромской Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь был родовой усыпальницей этой семьи, поэтому именно здесь следует искать в первую очередь те показания коммеморативных источников, которые помогли бы нам установить, кто лежал под интересующей нас частично разрушенной плитой. Счастливым образом нужные сведения и в самом деле обнаруживаются.

Во вкладной книге Ипатьевского монастыря сохранилась запись, которая отчетливо содержит два мирских христианских имени Михаила Осиповича (Иосифовича) Годунова, одного из сыновей Осипа / Осана (Асана) Дмитриевича:

¹⁵ О светской христианской двуименности у Годуновых см. подробнее: [Литвина, Успенский 2022, passim].

Пожаловаль : Гѣдрь блговѣрныи Црѣ великїи Кнзъ Фѣвдоръ Ивановичъ Всеа Россїи : по Михаилѣ Иосифовичѣ Годѣновѣ дватца^{тѣ} рѣблѣ^ѣ. Да дѣти Михайловы, Матѣи да Иванъ, дали по оцѣ Своемъ, девятнатцать рѣблѣвъ. И за тѣ дачю написа^{тѣ} в вѣчныи Сенадикъ Нѣстора. : кормить еже годъ безпереводно на Егв преставленїе : маиа въ дѣ <4> день [*Книга вкладная...* 1728: л. 16]

В соответствии с волей вкладчиков, крестильное имя Михаила Годунова, *Нестор*, было внесено в Синодик Ипатьевского монастыря, где мы находим его в главах «Род Годуновых», «Род Матфея Михаловича Годунова» и «Род Петра да Никиты Васильевичев Годуновых» (ЦИАМ БВП № 252; КМЗ–КОК–24534, л. 19/15, 32об./28об., 33/29).

Со всей очевидностью, Михаил / Нестор Годунов, как и многие его родичи, был погребен в Ипатьевском монастыре¹⁶. Здесь, помимо всего прочего, хранился его надгробный покров, известный нам по описным книгам этой обители:

На *Михайле* на *Осифовиче* покровъ сукно багрець, на немъ крестъ вышито 14 плащей золотомъ, обшиваны серебромъ, а подпись у креста шита серебромъ на зеленой тафтѣ [Соколов 1890: 46].

Таким образом, есть все основания именно с ним связать этот дошедший до нас фрагмент надгробной плиты с частично сохранившейся надписью.

К сожалению, мы не располагаем более подробными данными о небесных покровителях и обстоятельствах имянаречения Михаила / Нестора Годунова. В церковном календаре есть дата, 27 октября, когда памяти св. Нестора Солунского и архангела Михаила празднуются в один день. На Руси вполне практиковалась своеобразная традиция антропонимической однодневности, в соответствии с которой ребенок получал оба своих имени, публичное и крестильное, в честь святых, чья память приходилась на одну и ту же дату, обыкновенно являвшуюся и днем его

¹⁶ В монастыре сохранилась, в частности, надгробная плита родного брата Михаила / Нестора, Василия Осиповича Годунова (СІR0081): «¹мѣчл ꙗѣ (клеймо) ²ѣдъ ³лицѣ ⁴ноября ⁵бѣ на памѣ ⁶сѣмъ ⁷чюдотворѣ ⁸бѣсѣрнїи ⁹козмы ¹⁰и ¹¹демѣяна ¹²преставиши ¹³кожнѣ ¹⁴внїи ¹⁵сѣнѣ ¹⁶годѣновѣ Лета 7069 <1560> м(е)с(я)ца ноября в 1 д(е)нь на памя(т)ь с(в)я(т)ыхъ чюдотворцевъ безсер(е)бряникъ Козмы и Дем(ь)яна преставиши рабъ Б(о)жий Василей Осифович(ь) Годуновъ» (ср.: [Сырцов 1902: 6; Баженов 1909: 34–35 <примеч. **>]). Как нетрудно убедиться, на плите Василия Осиповича не приведено никакого иного его христианского имени, кроме *Василий*, да и каких-либо других свидетельств его двуименности, прямых или косвенных, мы не знаем, хотя полностью исключать ее не можем. Так или иначе, ситуация, когда в одной семье, кто-то из братьев и сестер обладал двумя христианскими именами в миру, а кто-то — лишь одним, совершенно типична для всей истории русской полиномии (см. подробнее: [Литвина, Успенский 2020: 17–18]).

появления на свет¹⁷. Однако так ли это происходило в случае с Михаилом Осиповичем, в какой мере 27 ноября определило его имянаречение, сказать невозможно — в церковном календаре есть целый ряд дат, связанных со свв. Несторами, и еще больше — со свв. Михаилами.

В не слишком многочисленных источниках светского характера Михаил / Нестор Годунов, ожидаемым образом, появляется под своим публичным именем *Михаил* (ср., например: [Антонов 2004: 97 <л. 69>; Антонов et al. 2010: 1054]).

Как явствует из приведенной выше записи во вкладной книге, Михаил / Нестор умер 4 мая (можно предположить, что эта дата в том или ином виде присутствовала на несохранившейся части надгробной плиты). Что же касается года его кончины, то с осторожностью следует допустить, что она приходилась на время правления царя Федора Ивановича, который счел нужным дать 20 рублей на помин своего свойственника¹⁸. Судя по всему, Михаил / Нестор Годунов умер не ранее 18 марта 1584 г. (день воцарения Федора Ивановича) и не позднее 4 мая 1594 г., так как в Описи Ипатьевского монастыря, проводившейся 11 апреля 1595 г., упоминание его гробницы уже присутствует. Вместе с

¹⁷ Таким образом получили, например, свои имена Юрий / Алипий Федорович Безобразов (XV–XVI в.) или Глеб / Борис Иванович Морозов († 1662). Обратим внимание, что при «однодневном» наречении могли задействоваться как имена святых, неразрывно связанных друг с другом агиографически (Борис и Глеб, Кир и Иоанн), так и тех, кто подвизался в разное время, в разных местах, но волею судеб поминался под одной датой в месяцеслове (Георгий и Алипий, Петр и Полиевкт). Эпитафии порой отражают довольно любопытные и причудливые устроенные факты однодневности в имянаречении. Так, на надгробной плите Пил(ь)емова в Троице-Сергиевом монастыре отражены два его светских христианских имени — *Фотий* и *Никита*: «¹лѣтл ꙗꙗ (клеймо) рмѣ ²гдѣ дѣлѣа в лѣтѣ пре³сѣлавица рѣ вѣнѣ Фл⁴тѣ прозвѣнице никс⁵гл дмн⁶тревѣн пѣ⁷ѣмова лета 7144г(о)<1635> году декабѣрѣ в 11 д(е)н(ь) преставися раб Б(о)жий Фатей прозвѣще Никита Дмитревич(ь) Пил(ь)емов» ([Гиршберг 1962: 249–250 <№ 222>]; ср. также: [Николаева 1960: 186–187]). Однако на деле он, скорее всего, был наречен в честь святых сомучеников Фотия и Аникиты (память 12 августа), имя же *Аникита* очень часто приобретало форму *Никита*, хотя исходно это два разных антропонима. Если наши догадки относительно использования принципа однодневности в имянаречении Михаила / Нестора Годунова верны, то здесь — в отличие от казуса Пил(ь)емова — мы имеем дело с именами святых, ничем, кроме даты празднования, между собою не связанных.

¹⁸ Ближайшие датированные записи на л. 16 вкладной книги относятся к 1596 и 1589 г. Родство между Ириной Годуновой, супругой царя Федора, и Михаилом / Нестором было довольно дальним — 7-я степень, т. е. Михаил приходился царю троюродным дядей. Быть может, особое внимание к покойному со стороны царской четы было обусловлено тем, что сын Михаила / Нестора, Матвей († 1639), упомянутый во вкладной книге в качестве вкладчика, был близок с царским шурином Борисом Годуновым — во всяком случае, при воцарении последнего Матвей Михайлович сразу же сделался окольничим, а со временем и боярином, входя в круг тех родственников, которые составляли непосредственное окружение этого правителя.

тем, декоративное оформление плиты имеет архаичные для этого времени признаки, встречающиеся на надгробиях середины XVI в. Ближайшие аналогии – надгробие Юрия Федоровича Очина-Плещеева († 1550) и Орины Плещеевой (середина XVI в.) [Вишнеvский 2004: 380 <Рис. 6>, 381 <Рис. 9>].

*

Итак, впервые публикуемые эпитафии, содержащие два мирских христианских имени усопшего, служат еще одним наглядным доказательством того, что этот малый текстовый жанр является исключительно ценным источником по истории русской полиномии, да и русской культуры позднего Средневековья в целом. Количество таких надгробных плит, где отразилась светская христианская двуименность, исчисляется десятками, и этот корпус постоянно пополняется. Засвидетельствованные здесь имена собственные позволяют убедиться, что эпитафия, как и завещание (духовная), принадлежит очень своеобразной и интересной зоне пересечения двух сфер – обиходного, вполне мирского, и сакрального. На надгробной плите уместным оказывается свести воедино и сохранить все те имена, под которыми умерший действовал в разных стратах своего существования.

С другой стороны, эти микротексты, как правило, далеки от нейтрального перечисления всего имеющегося набора антропонимов – они выстраивают своеобразную иерархию и дифференциацию имен, выделяя те из них, которые являются наиболее значимыми в перспективе коммеморативной практики. Характерно, что антропонимическая система, в которой христианин на Руси существует при жизни и после кончины, может не ограничиваться теми именами, которыми он был наречен. Нередко случается так, что имена святых, на память которых он родился или принял постриг, сопровождают его до гроба и за гробом, даже если они не были ему даны родителями или игуменом; в коммеморативной же практике к ним присовокуплялись имена тех святых, в день поминовения которых его не стало. Вопрос же о том, чем именно могли руководствоваться в каждой конкретной ситуации, включая в эпитафию тот или иной набор именовании покойного, нуждается, как нам представляется, в дальнейшем исследовании.

1. CIR0568. Эпитафия Иоакиму, по прозвищу Семен, Ермолаевичу Боркову, в схеме Иасафу (Ил. 1). Вторая половина 30-х гг. — 40-е гг. XVII в., но не позднее 1648 г. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь (Ярославский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник). Хранится в звоннице.

Местонахождение памятника: Ярославский Спасо-Преображенский монастырь (Ярославский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник). Хранится в звоннице.

История памятника. Плита, вероятно, происходит с грунтового некрополя Спасо-Ярославского монастыря. Была использована вторично в качестве строительного материала.

Описание носителя. Средняя часть белокаменной надгробной плиты трапециевидной формы. По левой грани проходит полоса декоративного узора в виде плетенки. На боковой грани Правая грань плиты стесана. Верхняя часть плиты отбита, нижняя спилена.

Описание надписи. Надпись в 7 строк, выполненная в технике обронной резьбы. Стк. 1 утрачена. Правая часть надписи сбита.

Транскрипция:

[лѣта 71-- мѣсяца ----- в – дѣнь]

прѣстѣвн^[e] ра^б [божий]

іакѣ а провн^[ще]

се^мѣ е^рмола^[e]

вн^б боркѣ во н^[оцех]

іаса^ф сх^н[ни]

(vacat) кѣ^н(vacat)

[Лѣта 71-- мѣсяца ----- в – дѣнь] прѣстави[с](ь) раб [Божий] Иаким, а прозви[ще] Семен Ермола[e]вич Борков во ин[оцех] Иасаф схим[ни]к.

Датировка. Вторая половина 30-х гг. — 40-е гг. XVII в., но не позднее 1648 г.

Палеографический комментарий. Эпиграфический полуустав высокого качества. Буква І (стк. 3, 6) в центральной части имеет шаровидное утолщение. Средняя мачта буквы М (стк. 4) имеет Y-образную форму с шаровидным утолщением в центре. Перекладина буквы Т (стк. 2) заканчивается шаровидными утолщениями.

Лигатуры: стк. 2 — ст и ав в слове «прѣстѣвн^[e]»; стк. 3 — апр в сочетании «іакѣ апр^вви[ще]».

Оформление начала слов с помощью выносных букв: $\tilde{н}$ [оцех] (стк. 5). Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: $\tilde{сѣмѣ}$ $\tilde{ѣмолл}$ [е]вн̄ $\tilde{боркѡ}$ (стк. 4–5).

Ил. 1. CIR0568. Эпитафия Иоакиму, по прозвищу Семен, Ермолаевичу Боркову, в схиме Иасафу. **А.** Визуализации модели памятника по схеме X. **Б.** Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема T). **В.** Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема G).

Реально-исторический комментарий

Обоснование датировки

Аналогичное декоративное оформление боковых сторон надгробных плит Л. А. Беляев [1996: 150 <Табл. XLV, 2>] датирует концом 30-х гг. XVII в., В. А. Беркович и К. А. Егоров [2017: 238 <№ ВСК–2>, 250 <№ ВСК–10>, 251 <№ ВСК–12>, 270 <№ ВСК–36> и др.] — первой четвертью или второй третью XVII в. Известно, что в 1648 г. С. Е. Боркова уже не было в живых [Антонов et al. 2010: 1077–1078 <№ 6066–6>]. Очевидно, надгробие может быть датировано второй половиной 30-х — 40-ми гг. XVII в., но не позднее 1648 г.

Просопографический комментарий

4–5. $\tilde{сѣмѣ}$ $\tilde{ѣмолл}$ [е]вн̄ $\tilde{боркѡ}$. Ярославский служилый человек. Владел вотчиной в Ярославском уезде — селцом Мальгиным с пустошами в Закоторском стане и жеребьями деревень Замарино и Взманово в Кузьминской волости, заложенную ему Иваном Петровым сыном Мусоргского. После смерти С. Е. Боркова вотчина была разделена между его двумя сыновьями. О постриге в схиму и захоронении в Спасо-Ярославском монастыре известно только из эпитафии. Сын С. Е. Боркова, Афанасий, в 1623 г. был записан по жилецкому списку, а в 1635–1639 гг. был

письменным головой в Томске [Ельчанинов 1913: 42]. Второй сын, Иван Семенович, умер незадолго до 1648 г., а его вдова Стефанида Павлова дочь Теприцкого вторично вышла замуж за ярославского служилого человека Семена Алексева сына Карбышева, в связи с чем последнему в 1648 г. была передана ее приданая вотчина — четверть деревни Поляна Шарапова в Едомской волости Ярославского уезда и купленная ее мужем у вдовы Петра Болтина Мавры Второго дочери Страхова сельцо Мальгино на реке Шакше с пустошами в Закоторском стане Ярославского уезда. Хлопотами по передаче вотчин занимался Афанасий Семенович Борков [Антонов et al. 2010: 1077–1078 <№ 6066-6>].

Полевое документирование. Документировано 21.06.2017 г., код документирования OG0745, код надписи CIR0568.

Операторы документирования. Сергей Пешков, Виталий Красноруцкий, Антон Клейменов, Александр Сидоров, Евгений Юшин, Дарья Анисимова.

Авторы описания. Александр Авдеев, Алексей Зубатенко, Анна Литвина, Ольга Радеева, Федор Успенский.

2. CIR0593. Эпитафия стольнику Борису / Каллинику Ивановичу Беклемишеву. 5 декабря 1699 г. Мещовский Георгиевский монастырь (Ил. 2).

Местонахождение памятника: Мещовский Георгиевский монастырь.

История памятника. Плита найдена во время восстановительных работ на территории монастыря в 2010-е гг.

Описание носителя. Белокаменная намогильная плита трапециевидной формы. Поверхность плиты повреждена, края оббиты.

Описание надписи. Надпись на торце плиты. Трехгранно-выемчатая резьба. Графья отсутствует. Надпись в 4 строки заключена в прямоугольную нишу, врезанную в торец плиты.

Транскрипция:

лѣтъ *з-н̄ декарѣ въ ѣ на пѣмн̄ прѣпѣног[о]
 і бг̄оисного ѡца н̄шего слѣвы об̄щѣного . прѣчлѣн̄
 рѣ бж̄н̄ ст̄оин̄ каллиникъ . злѣомы
 борн̄ івановчъ беклемішевъ .

Палеографический комментарий. Эпиграфический полуустав высокого качества, тяготеющий к вязи. Диакритика нерегулярная. Разделение на слова отсутствует. Смысловые и датирующие элементы выделены интерпунктационными знаками в виде точки. Буква **З** в

обозначении года (стк. 1) по форме напоминает цифру 3 с удлинненным и изогнутым окончанием нижней дуги. Знак тысячи в виде наклонной линии прикреплен к месту соединения дуг буквы 3. Выносная буква Б (стк. 1, 3) имеет скорописное начертание.

Лигатуры: стк. 1 — *лѣ* в слове «*лѣта*», *лѣ* в слове «*дѣклѣта*», *дн* в слове «*дн*», *лп* в словосочетании «*на пѣмѣ*», *ма* в слове «*пѣмѣ*», *пѣ* в слове «*прѣпѣног[о]*»; стк. 2 — *нг* в слове «*бѣгоносного*», *лѣ* в слове «*слѣбы*», *лѣ* в слове «*прѣгѣлѣнѣ*»; стк. 3 — *нн* в слове «*стѣоннѣ*»; стк. 4 — *чѣ* в слове «*лѣановичѣ*».

Супсенсия: *ѣ* (стк. 1). Контрактуры: *ѣ* (стк. 1), *прѣпѣног[о]* (стк. 1), *бѣгоносного* (стк. 2), *нѣшего* (стк. 2), *обѣщѣного* (стк. 2), *бѣжнѣ* (стк. 3).

Оформление окончаний слов с помощью выносных букв и буквенных титл: *пѣмѣ* (стк. 1), *лѣ* (стк. 3), *бѣжнѣ* (стк. 3), *стѣоннѣ* (стк. 3), *бѣжнѣ* (стк. 4). Оформление окончаний строк с помощью выносных букв и буквенных титл: *прѣгѣлѣнѣ* (стк. 2), *зѣвоуѣ* (стк. 3).

Ошибки резчика: титло в слове *лѣта* (стк. 2) нефункционально.

Ил. 2. CIRO593. Эпитафия стольнику Борису / Каллинику Ивановичу Беклемишеву. **А.** Визуализации модели памятника по схеме Х. **Б.** Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема Т). **В.** Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема G).

Просопографический комментарий. 4. *бѣжнѣ лѣановичѣ беклемишеѣчѣ.* Представитель калужской ветви рода, происходил из Мещовска. В описных и вкладных книгах Георгиевского Мещовского монастыря упоминаются многие представители данной ветви рода Беклемишевых, стольники и воеводы г. Мещовска, делавшие вклады в обитель. Среди них: братья Иван Иванович и Ермил Иванович Беклемишевы, а также Алексей Васильевич Беклемишев [Леонид Кавелин 1870: 28, 34 <примеч. 7>, 35 <примеч. 1>, 47, 49, 156, 171]. В Благовещенской церкви г. Мещовска на восточной стене за жертвенником придела св. Иоанна Богослова сохранилась строительная надпись, свидетельствующая о возведении храма воеводой Борисом Ивановичем Беклемишевым в 1678 г.

В 1676/77 г. Б. И. Беклемишев — стряпчий, в 1677/78 г. — дворянин по московскому списку. С 1678/79 г. — стольник [Иванов 1853: 25]. В 1677–1681 гг. — воевода в Мещовске [Барсуков 1902: 136; Трейтер 1898: 16; Опись городов 1998: 431]. С января 1687 до августа 1688 г. Б. И. Беклемишев фигурирует как стольник в списке воевод г. Яренска [Воскобойникова 1997: 114]. Сохранилась грамота 1687 г., написанная от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей воеводе Б. И. Беклемишеву в Яренск по обвинению его архиепископом Устюжским Александром в незаконном взыскании денег, вмешательстве в духовные дела и т. д. [Тимошина 2007: 38]. В марте 1688 г. как воевода Б. И. Беклемишев участвовал в судебном разбирательстве между гостем И. Д. Панкратьевым и властями Соловецкого монастыря относительно земельных владений в Сергиевской волости Яренского уезда [Eadem 2007: 368–369]. В «Боярском списке 1700 г.» говорится о стольнике Борисе Иванове сыне Беклемишеве как об умершем (РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 2 (Москва), д. 43, л. 381об.).

Эпитафия сообщает информацию, не отразившуюся в других письменных источниках, — имя Б. И. Беклемишева «Калинник» и дату его смерти.

Полевое документирование. Документировано 23.07.2017, код документирования OG0772, код надписи CIR0593.

Операторы документирования: Александр Пешков, Виталий Красноуруцкий, Антон Клейменов, Александр Сидоров, Дарья Анисимова.

Авторы описания: Александр Авдеев, Глеб Донской, Анна Литвина, Ольга Радеева, Федор Успенский, София Бузланова, Арсений Козуля.

3. CIR0102. Эпитафия Нестору Иосифовичу Годунову по прозвищу Михайло (Ил. 3). Между 18 марта 1584 и 4 мая 1594 г.

Местонахождение памятника: Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. Крипта под западным гульбищем Троицкого собора. До конца XVII в. использовалась как усыпальница, в конце 50-х гг. XX в. превращена в лапидарий музея.

История памятника. Михаил / Нестор Годунов был погребен в усыпальнице Годуновых — каменной палатке, располагавшейся к югу от алтаря собора Рождества Богородицы [Диев 1858: 22]. Палатка была разобрана в 1756 г. по распоряжению епископа Костромского и Галичского Геннадия (Андреевского). Извлеченный материал был использован для строительства нового, более просторного, храма Рождества Богородицы в 1760–1764 гг. (снесен в 1860 г.) [Павел Подлипский 1832: 29]. В 2012 г. плита с эпитафией Михаилу / Нестору была обнаружена во

время раскопок С. И. Алексеева к югу от Троицкого собора, у фундамента церкви Рождества Богородицы, построенной К. А. Тоном в 1852 г. (разрушена в 1934 г., воссоздана в 2008–2013 гг.).

Описание носителя. Средняя часть белокаменной плиты трапециевидной формы, окаймленная справа и слева плетеным узором. В нижней части плиты сохранилась розетка, окаймленная плетеным узором в 6 перевивов. В центре розетки вырезано «сегнерово колесо» с лучами, повернутыми по часовой стрелке. К верхней части розетки подходят две боковые тяги, оформляющие нижнюю часть эпитафического поля. Они составлены из плетеного орнамента в 5 перевивов. К нижней части розетки примыкает центральная тяга (частично сохранились 3 перевива). Эпитафическое поле отделено от декоративного узора полосой глубокой графы. Боковые грани декоративного оформления не имеют.

Описание надписи. В верхней части плиты сохранились 2 строки эпитафии, сделанные в технике прямой резьбы.

Транскрипция:

[Лета 70—году мая в 4 день]
 [преставися раб Божий Нестор]
 [Осипович vel Иосифович Году]
 но^[в] . л прозвъѣще мнхѣн
 (боковая тяга) ло (боковая тяга)

Ил. 3. CIR0102. Эпитафия Нестору Иосифовичу Годунову по прозвищу Михайло. **А.** Визуализации модели памятника по схеме Х. **Б.** Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема Т). **В.** Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема G).

Датировка. Между 1584–1594 г.

Палеографический комментарий. Эпиграфический полуустав высокого качества. Разделение на слова отсутствует. Диакритика нерегулярная. Интерпункционный знак в виде точки перед словом «прозвѣще». Средняя мачта буквы **М** (стк. 4) украшена овальным утолщением. «Вензельные» написания букв: в слове «прозвѣще» (стк. 4) буква **Ѣ** вписана в корпус буквы **Щ**.

Лигатуры: стк. 1 — **лпр** в словосочетании «**л прозвѣще**», «**лн**» в слове «**лнхън**(ло)».

Просопографический комментарий. Михаил / Нестор Иосифович (Осипович) Годунов, сын Осипа / Асана Дмитриевича Годунова. В Дворовой тетради 1550 г. Михаил Асанов сын Годунов вместе с братом Василием записан по Костроме [Зимин 1950: 148]. Согласно Боярской книге 1556/56 г., оба брата с конца 1549 по 6 декабря 1552 г. были волостелями Брашевской черной волости в Костромском уезде. В 1555/56 г. им дано «на подмогу для казанские службы по 12 рублей (ч). Вотчины за ними треть сохи, а поместья по 60 чети за (ч). Прежняя людская дача не бывала. В Серпухове ему смотр не был — годует в Казани. Лета 7064 <1555/56> в Нижнем Новгороде поместья за собою сказали по 150 чети; сами на конех, в доспесех; людей их 4 (ч) на конех в саадацех и в саблях, с копы, 2 коня просты, 6 (ч) пеших в саадацех и в саблях. И не додали з земли 2 (ч) в доспесех. А по новому окладу дати было им на их головы в 20 статье по 12 рублей (ч). И ныне давати им по 10 рублей (ч), а не додати им по 2 рубля (ч), да на люди з земли не дати им 4-х рублей, и всего им не додати 8 рублей» [Антонов 2004: 97 <л. 69>].

У Михаила / Нестора Осиповича Годунова были «сын Матвей — у царя Бориса и у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси был боярин, да Иван, да дочь Марья — была за боярином за Михаилом Борисовичем Шеиным» [Антонов 2011: 78–79].

После смерти Михаила / Нестора и Василия Осиповичей Годуновых их вдовы — старицы Марфа и Елена — владели двумя половинами села Юрьевское с 4 деревнями в Дуплехове стане Костромского уезда [Антонов et al. 2010: 1054].

Полевое документирование. Документировано 18.08.201, код документирования OG0130, код надписи CIR0102.

Операторы документирования: Сергей Пешков, Александр Пешков, Татьяна Колотий, Екатерина Романенко, Дарья Анисимова, Евгений Юшин.

Авторы описания: Александр Авдеев, Анна Литвина, Ольга Радеева, Федор Успенский, Глеб Донской, Ирина Кордан.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

КГИАХМЗ — Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Кострома)

КМЗ — Костромской музей-заповедник (Кострома)

КОК — Костромская объединенная коллекция (Кострома)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

ЦИАМ — Церковный историко-археологический музей Костромской епархии Русской Православной церкви (Кострома)

Библиография

Источники

Рукописи

Книга вкладная... 1728

КГИАХМЗ, КОК 24010, № 91, Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминок в дом Живоначальные Троицы в Ъпацкий монастырь, 1728.

ЦИАМ КМЗ КОК 24534

ЦИАМ, КМЗ КОК 24534, Синодик костромского Ипатьевского монастыря, XVII в. с поздними дополнениями.

Литература

Авдеев, Станюкович 2005

Авдеев А. Г., Станюкович А. К., Эпиграфическое наследие Новоспасской усыпальницы рода Романовых, *Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре*, А. К. Станюкович, В. Н. Звягин, ред., Кострома, 2005, 115–137.

Алексеев 2006

Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря, А. И. Алексеев, подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов, А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров, сост. именного указателя, *Вестник церковной истории*, 3, 2006, 5–184.

Антонов 2004

Антонов А. В., «Боярская книга» 1556/57 года, *Русский дипломатий*, 10, Москва, 2004, 8–118.

— 2011

Памятники русского служилого сословия, А. В. Антонов, сост., Москва, 2011.

Антонов et al. 2010

Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг., А. В. Антонов, А. Берелович, В. Д. Назаров, ред., Москва, 2010.

АСЗ, 1–4

Акты служилых землевладельцев XV–XVII века, 1–4, Москва, 1997–2008.

Баженов 1909

Баженов И., *Костромской Ипатьевский монастырь. Историко-археологический очерк*, Кострома, 1909.

Барсуков 1902

Барсуков А. [П.], *Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия*, С.-Петербург, 1902.

Беляев 1996

Беляев Л. А., *Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв.*, Москва, 1996.

— 2009

Беляев Л. А., О датах смерти Е. Ф. Пожарской и В. П. Пожарского: эпиграфические заметки, *Российская археология*, 1, 2009, 162–165.

— 2013

Беляев Л. А., *Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения*, Н. А. Макаров, ред., Москва, 2013.

Беляев et al. 2021

Беляев Л. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г., Погребальные памятники рода князей Кубенских в подклете собора Новодевичьего монастыря, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 4 (86): Декабрь, 2021, 88–110.

Березин, Добронравов, 1–5

Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии, В. Березин, В. Добронравов, сост., 1–5, Владимир, 1893–1898.

Беркович, Егоров 2017

Беркович В. А., Егоров К. А., *Московское белокаменное надгробие: Каталог*, В. В. Генинг, отв. ред., Москва, 2017.

Васильев, Грязнов 1998

Синодик князей Шелешпальских, Ю. С. Васильев, А. Л. Грязнов, публ., *Белозерье: Краеведческий альманах*, 2, Вологда, 1998, 118–127.

Вахрамеев 1896

Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, И. А. Вахрамеев, изд., 3: *Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая*, Москва, 1896.

Вишневский 2004

Вишневский В. И., Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре, *Археология Подмосковья*, [1], Москва, 2004, 375–386.

Воскобойникова 1997

Воскобойникова Н. П., Список яренских воевод XVII в., *Очерки феодальной России*, 1, Москва, 1997, 108–118.

Гиршберг 1960

Гиршберг В. Б., Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв., 1: Надписи XIV–XVI вв., *Нумизматика и эпиграфика*, 1, 1960, 3–77.

— 1962

Гиршберг В. Б., Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв., 2: Надписи первой половины XVII в., *Нумизматика и эпиграфика*, 3, 1962, 212–287.

Диев 1858

Диев М. Я., *Историческое описание Костромского Ипатского монастыря*, Москва, 1858.

ДРВ, 1–20

Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым, изд. 2-е, вновь испр., 1–20, Москва, 1788–1791.

Ельчанинов 1913

Ельчанинов И. Н., *Материалы для генеалогии ярославского дворянства*, 2, Ярославль, 1913.

Зимин 1950

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь, А. А. Зимин, подгот. к печати, Москва, Ленинград, 1950.

Иванов 1853

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях, П. Иванов, сост., Москва, 1853.

Курганова 1994

Курганова Н. М., Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля, Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1993, Москва, 1994, 396–404.

Леонид Кавелин 1870

Историческое описание Мецевского Георгиевского мужского общежительного монастыря, 1864 года, А[рхимандрит] Л[еонид], сост., Москва, 1870.

— 1879

Леонид (Кавелин), арх., Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы лавры, Горский А. В., Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида, 2, Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, 2, 1879, 1–112.

— 1907

Леонид (Кавелин), арх., Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутиева монастыря (Калужской губернии), изд. 3-е, [Калуга], 1907.

Литвина, Успенский 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси, А. А. Горский, отв. ред., Средневековая Русь, 13, Москва, 2018, 241–280.

— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

— 2021

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Из наблюдений над ковчегом князя Ивана Хворостинина (1601–1621 гг.), *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, 10/1, 2021, 94–112.

— 2022

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Годунов в кругу родни (Биографические разыскания), С.-Петербург, 2022.

— 2022a

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Браки царей Ивана и Петра Алексеевичей и русская многоименность на пороге Нового времени, *Die Welt der Slaven*, 67/1, 2022, 68–90.

Макарий Мироллюбов 1863

Макарий (Мироллюбов), арх., Сборник церковно-исторических сведений и статистических о Рязанской епархии. 4: Монастыри в Рязанской епархии, Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, 4, Октябрь–декабрь, 1863, 219–322.

Мартынов 1895

[Мартынов А. А.], Надгробная летопись Москвы. Уцелевшие надгробные надписи в московских церквях, собранные А. А. Мартыновым, *Русский архив*, 2–8, 1895, 279–284, 408–413, 549–554, 97–109, 219–240, 383–395, 521–528.

МН, 1–3

Великий Князь Николай Михайлович, изд., *Московский некрополь*, В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский, сост., 1–3, С.-Петербург, 1907–1908.

Николаева 1958

Николаева Т. В., Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора, *Загорский государственный историко-художественный музей заповедник. Сообщения*, 2, Загорск, 1958, 92–106.

——— 1960

Николаева Т. В., К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры, *Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника*, 3, Загорск, 1960, 181–195.

Опись городов 1998

Опись городов 1678 г., *Русские летописи*, 3: *Воскресенская летопись*, Рязань, 1998.

Павел Подлипский 1832

Павел (Подлипский), арх., *Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством Московским на Царство Русское*, Москва, 1832.

Павлов-Сильванский 1985

Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря, В. И. Корецкий, ред.; В. Б. Павлов-Сильванский, подгот. текста и вступ. ст., Москва, 1985.

Панова 2003

Панова Т. Д., *Некрополи Московского Кремля*, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 2003.

Пискарев 1856

Пискарев А. И., Собрание надписей на памятниках Рязанской старины, *Записки императорского археологического общества*, 8/1, С.-Петербург, 1856, 271–324.

РПН

Великий Князь Николай Михайлович, изд., *Русский провинциальный некрополь*, 1: Губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский, В. В. Шереметевский, сост., Москва, 1914. [Издание продолжено не было.]

Снегирев 1864

Снегирев И. [М.], *Богоявленский монастырь в Москве, на Никольской улице*, Москва, 1864.

С–ов 1882

С–ов И. П., *Описание Богословского общежительного монастыря, находящегося в Рязанской епархии*, Москва, 1882.

Соколов 1890

Соколов М. И., Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года, *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских*, 1890, 3 (154), I–XII, 1–60.

Сырцов 1902

Сырцов И. Я., *Усыпальницы бояр Годуновых в Костромском Ипатьевском монастыре*, Москва, 1902.

Тимошина 2007

Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в., Л. А. Тимошина, сост. и предисл., 2, Москва, С.-Петербург, 2007.

Трейтер 1898

Трейтер П., Список дворян, бывших на воеводстве в гг. Мещовске и Мосальске с 1623 по 1702 г., И. Д. Четыркин, В. М. Кашкаров, ред., *Известия Калужской ученой архивной комиссии*, 7–8, Калуга, 1898, 15–18.

Троицкий 2002

Троицкий Н. И., прот., *Тульские древности*, Тула, 2002.

Хитрово 1867

Приложение к родословной книге рода Хитрово, Ф. Н. Хитрово, сост., С.-Петербург, 1867.

Шокарев 1998

Шокарев С. Ю., Источники по истории некрополя Симонова монастыря, *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*, Москва, 1998, 30–53.

Ювеналий Воейков 1802

Ювеналий (Воейков), игум., *Краткое историческое описание ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря, из разных исторических, церковных и гражданских, печатных и рукописных книг и документов, во время правления оным монастырем Иакинфа Карпинского собранное, и им рассмотренное и одобренное, любителям же древностей ныне на свет изданное*, Москва, 1802.

CIR

Corpus Inscriptionum Rossicarum, Свод русских надписей (<http://cir.rssda.ru>).

References

- Alekseev A. I., Mashtafarov A. V., eds., *Vkladnaya i Kormovaya Kniga (A Donations Book) of the Moscow Simonov Monastery*, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3, 2006, 5–184.
- Antonov A. V., «Boiarskaia kniga» 1556/57 goda, *Russkii diplomatarii*, 10, Moscow, 2004, 8–118.
- Antonov A. V., Berelowitch A., Nazarov V. D., eds., *Zapisnye votchinnye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg.*, Moscow, 2010.
- Antonov A. V., ed., *Pamiatniki russkogo sluzhilo-gosloviiia*, Moscow, 2011.
- Avdeev A. G., Stanyukovich A. K., Epigraficheskoe nasledie Novospasskoi usypal'nitsy roda Romanovykh, *Usypal'nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre*, A. K. Stanyukovich, V. N. Zvyagin., eds., Kostroma, 2005, 115–137.
- Belyaev L. A., *Medieval Russian Tombs: Their place in Christian Art*, Moscow, 1996.
- Belyaev L. A., On the history of the Prince Dmitry Pozharsky Family: epigraphic notes, *Russian Archaeology*, 1, 2009, 162–165.
- Belyaev L. A., *Rodovaia usypal'nitsa kniaziei Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalia: 150 let izucheniia*, N. A. Makarov, ed., Moscow, 2013.
- Belyaev L. A., Shokarev S. Yu., Shulyaev S. G., Funerary Monuments of the Kubensky Princes in the Burial Vault of the Main Church of the Novodevichy Convent, 4 (86), *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2021, 88–110.
- Berkovich V. A., Egorov K. A., *Moskovskoe belokamennoe nadgrobie. Katalog*, V. V. Gening, ed., Moscow, 2017.
- Girshberg V. B., Materialy dlia svoda nadpisei na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ia XIV–XVII vv., 1: Nadpisi XIV–XVI vv., *Numizmatika i epigrafika*, 1, 1960, 3–77.
- Girshberg V. B., Materialy dlia svoda nadpisei na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ia XIV–XVII vv., 2: Nadpisi pervoi poloviny XVII v., *Numizmatika i epigrafika*, 3, 1962, 212–287.
- Kurganova N. M., New discoveries on the tombstones from the burial-vault of the Princes Bojarski and Chovansky in the Spaso-Evfimievsky cloister of Suzdal, *Monuments of culture. New discoveries. Yearbook 1993*, Moscow, 1994, 396–404.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., «Se iaz rab Bozhii...». *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniia)*, St. Petersburg, 2022.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi dviimennosti v dopetrovskoi Rusi, A. A. Gorsky, ed., *Srednevekoviaia Rus'*, 13, Moscow, 2018, 241–280.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Some Observations on the Reliquary of Prince Ivan Khvorostinin (1605–1621), *Slověne = Словěне. International Journal of Slavic Studies*, 10/1, 2021, 94–112.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., The marriages of Tsars Ivan V and Peter the Great in the context of Russian multinominality at the dawn of the Modern Era, *Die Welt der Slaven*, 67/1, 2022, 68–90.
- Nikolaeva T. V., K izucheniiu nekropolia Troitse-Sergievoi lavry, *Soobshcheniia Zagorskogo gosudarstvennogo istoriko-khudozhestvennogo muzeia-zapovednika*, 3, Zagorsk, 1960, 181–195.
- Nikolaeva T. V., Nadgrobnnye plity pod zapadnym pritvorom Troitskogo sobora, *Zagorskii gosudarstvennyi istoriko-khudozhestvennyi muzei zapovednik. Soobshcheniia*, 2, Zagorsk, 1958, 92–106.

Panova T. D., *Nekropoli Moskovskogo Kremliia*, 2nd ed., Moscow, 2003.

Pavlov-Sil'vanskii V. B., ed., *Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arkhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyria*, Moscow, 1985.

Shokarev S. Yu., *Istochniki po istorii nekropolia Simonova monastyria, Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.)*, Moscow, 1998, 30–53.

Timoshina L. A., ed., *Arkhiv gostei Pankrat'evykh XVII – nachala XVIII v.*, 2, Moscow, St. Petersburg, 2007.

Troitskii N. I., prot., *Tul'skie drevnosti*, Tula, 2002.

Vasiliev Yu. S., Gryaznov A. L., eds., *Death Bill of Dukes Sheleshpanskys, Belozeriye. Regional Almanac*, 2, Vologda, 1998, 118–127.

Vishnevsky V. I., *Nekropol' boiar Pleshcheevykh v Troitse-Sergievom monastyre, The Archaeology of the Moscow region. Proceedings of scientific seminar*, [1], Moscow, 2004, 375–386.

Voskoboynikova N. P., *Spisok iarenskikh voevod XVII v., Ocherki feudal'noi Rossii*, 1, Moscow, 1997, 108–118.

Zimin A. A., ed., *Tysiachnaia kniga 1550 g. i Dvoroaia tetrad'*, Moscow, Leningrad, 1950.

Александр Григорьевич Авдеев, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
исторического факультета
Православного Свято-тихоновского гуманитарного университета
115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 Б
Россия / Russia
avdey57@mail.ru

Анна Феликсовна Литвина, кандидат филологических наук,
доцент школы филологии
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, г. Москва, Старая Басманная, 21/4
Россия / Russia
annalitvina@gmail.com

Ольга Николаевна Радеева, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела рукописей Российской государственной библиотеки
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
Россия / Russia
o.radeeva@mail.ru

Федор Борисович Успенский, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка имени В. В. Виноградова
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Россия / Russia
fjodor.uspenski@gmail.com

Received August 21, 2022